

AR 79
113

Ю. КАХК

О ДВИЖУЩИХ СИЛАХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА ОТ ФЕОДАЛИЗМА К КАПИТАЛИЗМУ

Одним из центральных вопросов исторической науки является проблема закономерностей общественного развития и перехода от одной социально-экономической формации к другой. Исследование внутреннего механизма развития человеческого общества в критические переходные периоды может представлять весьма широкий интерес, и явно неслучайно именно в этом вопросе четко проявляется борьба концепций и идеологий. Речь идет об очень широком и охватывающем все области человеческой жизнедеятельности круге вопросов. В настоящем сообщении рассматриваются лишь вопросы аграрного развития, где контрасты между старым и новым выступали наиболее рельефно.

При изучении закономерностей социально-экономического развития в первую очередь возникают трудности со сбором массового материала. Сбор статистических материалов (в нынешнем понимании этого термина) начался лишь в конце прошлого столетия. Однако в таких областях, как производство зерна, торговля, заработная плата и численность населения, в европейской науке сохранилось достаточно данных, относящихся уже к началу XIV в. (по территории Эстонии — не ранее, чем с XVII—XVIII столетий).

К настоящему времени историки проделали весьма большую работу по сбору и анализу данных о динамике сельскохозяйственного производства, феодальных повинностей и численности населения. Несмотря на то, что полученная в результате этих исследований картина крайне пестра и сложна, в ней все же удалось уловить и обрисовать наиболее общие тенденции и циклы развития.

Концепция циклического развития ярче всего выражена в трудах историка ФРГ В. Абеля и французского историка Э. Леруа Ладюри. Сама по себе довольно простая и, на первый взгляд, убедительно звучащая схема имеет следующий вид. В некоторой стране, регионе или на материке постоянно растет численность сельскохозяйственного населения, одновременно растут и посевные площади. Поскольку численность людей растет быстрее, то доминирует предложение рабочей силы и увеличивается потребность в продуктах питания, что ведет к падению заработной платы и росту цен на сельскохозяйственные продукты. Затем, однако, наступает предел возможностей развития — при существующей технике оказывается невозможным дальше расширять посевные площади. Наступает нехватка продуктов питания, что ведет к голоду и вспышкам инфекционных заболеваний, которые в условиях феодализма обычно сопутствуют разорительным войнам. Следствие всего этого —

резкое сокращение численности населения и разрежение населенности (возникают т. н. пустоши — нем. *Wüstung*, которым В. Абель посвятил специальную книгу¹). Одновременно появляются предпосылки для начала нового цикла развития — вновь начинает расти численность населения, расширяются посевные площади, и так продолжается до новой катастрофы и спада. Экономическую ситуацию, наблюдавшуюся во Франции с XIV по XVIII вв., Э. Леруа Ладюри и Ж. Гуа рекомендуют называть периодом застывшей (или замороженной) экономики, в течение которого объем сельскохозяйственного производства колебался в весьма широких пределах, но когда экономические подъемы «разбивались один за другим о потолок... который всегда был очень жесткий и почти не прошибаемый».²

Описанная выше теория циклов не дает нам возможности понять, какими путями достигается исторический прогресс и происходит переход от одной формации к другой. Историки-марксисты также считают, что в период феодальной формации развитие производства происходило значительно медленнее, чем в последующих социально-экономических формациях. Но, в отличие от изложенной выше концепции, марксисты исходят из принципа, что и тогда имел место известный прогресс и что решающим и, так сказать, базовым фактором были не демографические колебания, а рост производительных сил.

В области аграрного развития переход от феодализма к капитализму означал то, что на место старого рутинного и малоэффективного сельского хозяйства пришло более эффективное, использующее новые машины и методы обработки земли хозяйство.

Что препятствовало первоначально обновлению сельского хозяйства и повышению его эффективности в период феодализма? Какие основные силы и факторы привели позже к внедрению новшеств?

Ответ на эти вопросы возможно получить при рассмотрении, во-первых, помещичьих поместий и, во-вторых, крестьянских хуторов на основе анализа т. н. вакенбухов. Вакенбухи, составленные в ходе осуществления крестьянской реформы 1804 г. в Южной Эстонии и сохранившиеся до наших дней, представляют собой уникальный как по содержанию, так и по массовости данных исторический источник. Совместно с проф. Х. Лиги нам удалось проработать (с помощью вычислительного центра Института кибернетики АН Эстонской ССР) материалы вакенбухов по более 5 тыс. хуторов.

Схема (представленная на рисунке), обобщающая полученные нами результаты, достаточно четко демонстрирует паразитический характер помещичьего хозяйства в условиях барщинной системы эксплуатации. Все производство поместья базировалось на крестьянском хуторе, откуда оно получало как необходимую рабочую силу, так и орудия труда, в то время как само вкладывало в сельскохозяйственное производство крайне мало. Вся производственная деятельность феодального поместья основывалась на возможности безвозмездного использования крестьянской рабочей силы. В противном случае, как показывают анализы бюджетов помещичьих имений, проведенные, например, польскими историками, возник бы экономический парадокс — хозяйства, работающие с постоянным убытком.³

¹ Abel, W. Die Wüstungen im Mittelalter. Stuttgart, 1955.

² Les Fluctuations du produit de la dime. Conjuncture décimale et domaniale de la fin du Moyen Age au XVIII siècle. Communications et travaux rassemblés et présentés par Joseph Goy et Emmanuel Le Roy Ladurie. Paris, 1972, с. 24.

³ Kula, W. Teoria ekonomiczna ustroju feodalnego — proba modelu. Warszawa, 1962, с. 27—46.

В последние годы удалось провести специальный анализ экономической деятельности 8 имений Эстонии в первой половине XIX столетия⁴ (к сожалению, в архивах не сохранилось экономической документации по большему числу имений за этот период). Несмотря на то, что в хозяйственной деятельности отдельных имений было много индивидуальных и специфических черт, во всех случаях сохранялось общее правило — поместья получали большие доходы только благодаря тому, что помещикам не нужно было платить за крестьянскую рабочую силу. Если бы ее пришлось оплачивать хотя бы по весьма низким тарифным нормам, установленным самими помещиками, то, по расчетам, например, владельца имения Койги О. фон Грюневальда, ему пришлось бы выплачивать своим барщинникам 12600 руб. в год, в то время как за зерно, собранное с полей имения, он получил бы на рынке всего 10080 руб., т. е. возник бы дефицит примерно в 2 тыс. руб.⁵

Для имения были неприемлемы все те новшества, которые вели к сколько-нибудь значительному увеличению необходимой рабочей силы (как, например, переход на многополье и выращивание клевера), так как увеличение барщинных повинностей крестьян было весьма трудной процедурой. До 1840-х гг., когда исследованиями Ю. Либиха были заложены основы производства искусственных удобрений, прогресс в сельском хозяйстве выражался главным образом в изобретении механизмов и методов экономии рабочей силы (изобретение молотилки, новых металлургических сох и т. п.).

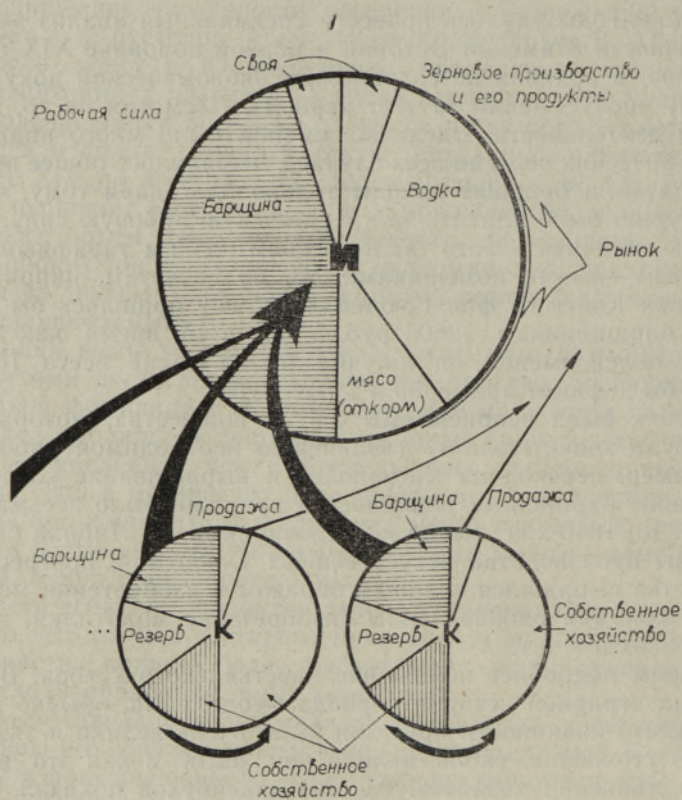
Рассмотрим подробнее положение крестьянского хутора. В работах, посвященных аграрной истории периода феодализма, обычно говорится лишь о том, что повинности крестьян были очень велики и тяжелы, без конкретного уточнения, сколь велики они были и как это влияло на ведение крестьянских хозяйств. Анализ вакенбухов показал, что, хотя положение крестьян в Эстонии было относительно тяжелее, чем во многих соседних странах, и здесь в распоряжении хутора имелся известный резерв рабочей силы. Однако этот резерв был, во-первых, относительно: если в какую-либо неделю часть рабочей силы оставалась неиспользованной, то в напряженные периоды (уборки урожая, осенней вспашки) рабочей силы не хватало. Во-вторых, резерв был необходим, так как в случае неблагоприятных погодных условий до трети рабочих дней могло пропасть и тогда в оставшееся время нужно было больше рабочей силы. Вместе с тем, этот резерв был, так сказать, неманевренный, т. е. такой, от которого в год с благоприятными погодными условиями не было никакой пользы ни хутору, ни поместью и который попросту пропадал для общественного производства. В исторической действительности, учитывая, например, переменчивые климатические условия, баланс рабочей силы крестьянского хутора был довольно часто очень напряженным.⁶

Заработная плата, которую дворохозяева выплачивали своим батракам и работницам, была сравнительно невелика, но она все же представляла собой расход, и хозяева, естественно, старались его сократить. Как хозяин, так и батрак были заинтересованы в экономии рабочей силы и, следовательно, в совершенствовании трудовых процессов. Крестьянство

⁴ Какк Ю. Хозяйство имения Сангасте и некоторые проблемы развития помещичьего хозяйства в Эстонии в период позднего феодализма. — Изв. АН ЭССР. Обществ. н., 1978, т. 27, № 1, с. 21—38.

⁵ Grünewaldt zu Koik, O. von. Ueber die Benutzung der Bauerländereien im Betrieb der Ehst- und Livländischen Landwirtschaften überhaupt. — Livländische Jahrbücher der Landwirtschaft (Dorpat), 1833, Bd. 8, St. 1, с. 13.

⁶ Какк Ю., Лиги Х. Об экономическом потенциале крестьянского двора в Эстонии в начале XIX века. Таллин, 1975.

в этом смысле являлось движущей силой социально-экономического прогресса.

Уточняя нашу схему, сравним для примера крупный и маленький хуторы. Если в зажиточных хуторах могли возникнуть известный излишек зерна и, хотя и меньший, чем обычно, излишек рабочей силы (который в период срочных работ или при неблагоприятных погодных условиях легко превращался в нехватку рабочей силы), то в маленьких хуторах относительно большим был именно излишек рабочей силы, в то время как зерна нехватало. В связи с этим уже в период феодализма между крупными и мелкими хуторами возникли своеобразные отношения — мелкие хутора отдавали большому рабочую силу, получая взамен натуральную плату, необходимую для своего содержания. Однако в конце периода феодализма это стало источником экономической аккумуляции зарождающейся сельской буржуазии — здесь начали формироваться материальные возможности и накапливаться опыт развития более современного и эффективного земледелия.

Важно подчеркнуть, что в исторической реальности дворохозяин стремился к высвобождению рабочей силы, занятой на барщине, и к ее экономии (т. е. к ее более эффективному использованию — в первую очередь потому, что речь шла, главным образом, о нем самом и членах его семьи, а не о наемной рабочей силе). Мы проанализировали (с помощью ЭВМ Эстонского радио) состав жителей хутора трех приходов Эстонии в первой половине XIX столетия — всего более 1100 хуторов. Выяснилось, что в материковой части Эстонии 60—90% хуторов вообще не использовали наемной рабочей силы или превалировала рабочая сила членов семьи (наемная рабочая сила занимала первое место лишь

II

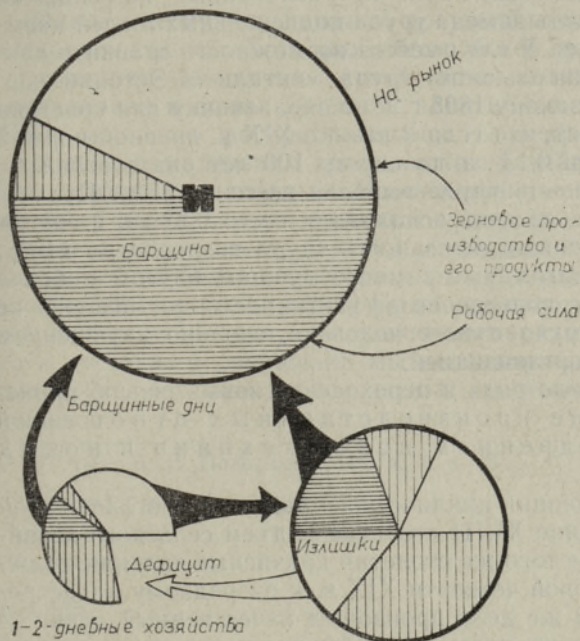

Схема производственных отношений имение—крестьянское хозяйство в первой половине XIX века.

1-2-дневные хозяйства

На собственные нужды 5-6-дневные хозяйства
 Именцо Излишки

в 10—40% хуторов); на о. Сааремаа же, в приходе Ансекула, наемная рабочая сила имела место менее, чем в 1% хуторов. Борьба шла не столько за подчинение чужой рабочей силы, сколько за высвобождение своей. Весьма характерно, что живший в конце XVIII — начале XIX вв. в Эстонии публицист Фр. Арвелиус, довольно хорошо знавший жизнь местного крестьянства, сформулировал главный тезис успешно ведущего свое хозяйство дворохозяина следующим образом: «Он не поднимал больше земли, чем он сам со своей женой и детьми мог в любое время обработать, без того, чтобы нужно было нанимать работника».⁷

Борясь за освобождение своей рабочей силы и своей личности, крестьянин объективно боролся за установление общественных отношений, при которых рабочая сила человека и прочие материальные ресурсы производства могли бы свободнее (и эффективнее) перемещаться и способности и естественные склонности использоваться лучше, чем до сих пор (хотя еще и не идеальным образом). Характерное для производства и в период феодализма стремление экономить рабочую силу, а также делать свою работу лучше и эффективнее, служило основой для хотя и медленных и небольших, но все же постоянных прогрессивных сдвигов в производстве, которые выражались во все более глубоком познании местных почвенных и климатических условий и постепенном совершенствовании орудий труда. В то же время для перехода от феодализма к капитализму необходим был качественный сдвиг в видах новых орудий труда и новых методах производства.

Вопросы труда, вернее, вопросы характера труда, были в центре обмена мнениями по аграрному вопросу уже начиная с конца XVIII в.

⁷ Arwelius, Fr. Ramma Josepi Hädda — ja Abbi — Ramat. Tallinn, 1790, с. 197.

Ознакомление с высказывавшимися в то время идеями свидетельствует о том, что современники возлагали явно преувеличенные надежды на эффект, который могла бы дать замена труда подневольных людей наемным трудом людей свободных. У нас имеется возможность сравнить данные о том, какую производительность труда считали в Эстонии нормальной: по крестьянскому закону 1805 г. и по справочнику для крестьян 1918 г. Сравнение показывает, что если в начале XIX в. дневной нормой при жатве серпом считалось 0,13 га, то спустя 100 лет она составляла 0,18 га, т. е. производительность труда выросла всего на 38%. При пахоте плугом в начале XIX в. за день вспахивали всего 0,23 га, а спустя 100 лет уже 0,74 га, т. е. производительность труда возросла на 140%, но при этом пахарь располагал уже заметно лучшим плугом и более сильной лошадей. Заметное повышение эффективности достигалось не столько интенсификацией труда самого человека, сколько улучшением орудий труда и его лучшей организацией.

Таким образом, решающую роль в переходе на новый способ производства играло изменение производственных отношений с одновременным внедрением новой техники и новых видов земледелия.

Вернемся еще раз к концепции циклического развития. Согласно этой теории, начавшийся в середине XVIII столетия подъем сельского хозяйства и наметившийся в конце того же столетия кризисные явления должны были бы привести со второй четверти XIX в. к очередному катастрофическому спаду. На самом же деле произошел качественный сдвиг — сельское хозяйство перешло на новые способы производства и количество его продукции возросло. Этот сдвиг, который невозможно объяснить с позиций концепции циклического развития, объясняется марксистской теорией о решающей роли развития производительных сил и о смене социально-экономических формаций.

На эти качественные изменения и роль крестьянства (и вырастающей из его среды и действующей параллельно с ним буржуазии) обращали внимание и другие авторы. Из советских историков приводит интересные материалы В. А. Федоров.⁸ Французский историк-марксист Ж. Буа отмечает, что если в XV в. для социальной дифференциации французского крестьянства было характерно сокращение числа небольших хуторов и увеличение числа средних, то уже в XVI в. картина изменилась — среднее ядро крестьянства не закрепляется. «Пауперизация, с одной стороны, и концентрация, с другой, — таковы новые черты, проявляющиеся в первой трети XVI столетия, — черты зарождающегося капитализма»,⁹ — пишет Ж. Буа.

В Англии экономическое укрепление зажиточного крестьянства и землевладельцев недворянского происхождения отмечается уже в конце средних веков.¹⁰ По мнению Ф. М. Томпсона, решающей силой, обеспечившей экономический подъем Англии в XVIII столетии, были численный рост и экономическое укрепление социальной группы фермеров, занимающихся товарным производством.¹¹

Следует обратить внимание на замечание В. И. Ленина, сделанное им еще в 1894 г., о том, что «именно... крестьянская собственность на землю (вырабатывавшаяся в течение феодального периода) была по-

⁸ Федоров В. А. Положение крестьянина центрально-промышленного района России конца XVIII — первой половины XIX в. М., 1974.

⁹ Bois, G. La crise du féodalisme. Paris, 1976, с. 143.

¹⁰ The Cambridge economic history of Europe, v. I. [Cambridge], [s. a.], с. 723, 726.

¹¹ Thompson, F. M. Landownership and economic growth in England in the eighteenth century. — In: Agrarian change and economic development. The historical problems. Ed. by E. J. Jones and S. J. Wolf. London, 1969, с. 60.

всюду на Западе, как и у нас в России, основой буржуазного общества».¹²

Однако не нужно, конечно, преувеличивать роль и значение крестьянского хозяйства. Хотя оно и было более прогрессивным, по сравнению с феодально-помещичьим хозяйством, но историческая ограниченность проявлялась и здесь. Имеются данные, что в середине XIX в. даже в США медленно распространялись сельскохозяйственные машины — настолько в маленьких крестьянских хозяйствах процесс аккумуляции был слабым и медленным. Кооперирование крестьянских хозяйств также было длительным и сложным процессом, к которому крестьяне пришли не сразу, поэтому переход от феодализма к капитализму стимулировали такие более общие факторы, как развитие неаграрных секторов экономики, торговля, мировой рынок и даже такие, относящиеся к внешней политике явления, как проигрыш царизма в Крымской войне. Однако в настоящем сообщении мы целенаправленно сосредоточили внимание именно на роли дворохозяев и крестьянства в целом в этих процессах.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 281.

Академия наук Эстонской ССР

Поступила в редакцию
8/VI 1978

J. KAHK

SOTSIAAL-MAJANDUSLIKU ARENGU LIKUMAPANEVATEST JÕUDUDEST FEODALISMILT KAPITALISMILE ÜLEMINEKU PERIOODIL

Ühiskonna arengu ja ühelt sotsiaal-majanduslikult formatsioonilt teisele ülemineku seaduspärasused on ajalooteaduse keskeid uurimisprobleeme. Kuigi selle probleemi uurimise põhjal tekkinud pilt on äärmiselt kirju ja keeruline, on selles siiski püütud näha üldisemaid arengutendentsi ja -tsükleid. Tsüklilise arengu kontseptsioon on kõige selgemini väljendust leidnud Saksa FV ajaloolase W. Abeli ja prantsuse ajaloolase E. Le Roy Ladurie töödes. Iseenesest küllaltki lihtne ja esimesel pilgul ka veenvana tunduv skeem kõlab järgmiselt. Teatud maal, piirkonnas või mandril kasvab põldu hariva elanikkonna arv pidevalt ja ühtlasi laienevad ka põllud. Et inimeste arv kasvab kiiremini, siis domineerib tööjõu pakkumine ja suureneb toiduainete nõudmine. Seetõttu langevad palgad ja tõusevad põllumajandussaaduste hinnad. Siis aga jõutakse arenguvõimaluste piirini — olemasolev tehnika ei võimalda enam põllupinda laiendada. Tekib toiduainete puudus, järgnevad näljahäda, katk ja tavaliselt ka laastavad sõjad. Kõige selle tagajärjel langeb järsult inimeste arv ja hõreneb asustus, tekivad tühimaad (puustused). Ohtlasi on aga loodud tingimused uue arengutsükli alguseks — jälle hakkab inimeste arv kasvama, põllupind laieneb, kuni jõutakse uue katastroofi ja languseni.

Kirjeldatud teooria ei võimalda siiski mõista, kuidas toimub ajaloos edasimineku ning üleminek ühelt formatsioonilt teisele, mis takistas feodalismiperioodil esialgu põllumajanduse uuendamist ja selle tootlikkuse tõstmist ning millised tegurid viisid hiljem siiski uuendusteni.

Artiklis on püütud nendele küsimustele vastata 19. sajandi esimese poole Eesti mõisate säilinud majandusdokumentatsiooni ja rohkem kui 5000 talu vakuraamatute andmete üldistuse põhjal. On koostatud skeem, mis peaks küllalt kujukalt näitama, kuivõrd parasiteeriva iseloomuga oli teoorjusliku ekspluateerimissüsteemi puhul mõisamajand. Kogu mõisa tootmine põhines talumajandusel; sealt sai ta nii tööjõu kui ka põllutööriistad, andes omalt poolt põllumajanduslikku tootmisse äärmiselt vähe. Kuigi iga mõisa majandustegevuses oli eripärasusi, jäi kehtima üldreegel: mõisad said suurt puhastulu ainult seetõttu, et talupoegade tööjõu eest ei tulnud maksta. Uuendused, mis oleksid nõudnud tööjõu hulga olulist suurendamist, polnud mõisale vastuvõetavad, sest talupoegade teokoormiste suurendamine oli küllaltki tülikas protseduur.

Kui vaadelda talude olukorda, siis selgub, et kuigi sulastele-tüdrukutele makstav palk oli suhteliselt madal, kujutas see endast siiski väljaminekut, mida taluperemees püüdis võimalikult vähendada. Nii peremees kui ka sulane olid huvitatud tööjõu kokkuhoiust ja seetõttu ka tööprotsesside täiustamisest. Niisiis kujutas talurahvas endast sotsiaal-majandusliku arengu liikumapanevat jõudu. Skeemi aitab täpsustada suure ja väikese talu

võrdlus. Kui jõukatel taludel võis tekkida teatud viljaülejäak ja tavalisest väiksem tööjõuülejäak (mis kiirete tööde perioodil või ebasoodsate ilmade ajal kergesti asendus puudujäägiga), siis väiksematel taludel jäi üle just tööjõudu, aga viljast tuli puudus. Seetõttu kujunes vastastikune vahetus — väiksemad talud andsid suurematele tööjõudu, saades vastu enda ülalpidamiseks vajalikku naturaaltasu. Feodalismi lõpp-perioodil sai sellest tärkava küllakodanluse majandusliku akumulatsiooni allikas — siin hakkasid kujunema materiaalsed võimalused ja kogunema kogemused uueaegsema, efektiivsema põlluharimise arendamiseks.

Kvalitatiivseile muutustele ning talurahva (ja temast väljakasvava ning temaga paralleelselt tegutseva kodanluse) osatähtsusele feodalismilt kapitalismile üleminekul on tähelepanu juhtinud mitmed autorid. Näiteks viitas V. I. Lenin juba 1894. aastal talupoegade maaomandusele kui kodanliku ühiskonna tekkimise alusele nii Lääne-Euroopas kui ka Venemaal (Teosed, 1. kd., Tallinn, 1960, lk. 243).

Eesti NSV Teaduste Akadeemia

Toimetusse saabunud
8. VI 1978

J. KAHK

ÜBER TRIEBKRÄFTE DER SOZIALÖKONOMISCHEN ENTWICKLUNG BEIM ÜBERGANG VOM FEUDALISMUS ZUM KAPITALISMUS

Eines der zentralen Forschungsprobleme der Geschichtswissenschaft sind die Gesetzmäßigkeiten der sozialen Entwicklung und des Überganges von einer sozialökonomischen Formation zur anderen.

Obwohl das Mosaik von all den Forschungen dieser Richtung bis aufs äußerste bunt und kompliziert ist, kann man darin doch den Versuch sehen, allgemeinere Entwicklungstendenzen und -zyklen zu erfassen. Eine derartige Konzeption der zyklischen Entwicklung ist am deutlichsten zum Ausdruck gebracht in den Arbeiten der Historiker W. Abel (BRD) und E. Le Roy Ladurie (Frankreich). Die Auffassung ist an und für sich einfach und beim ersten Blick sogar überzeugend: In einem gewissen Land, einer Region oder auf einem Kontinent wächst unaufhörlich die Zahl der Ackerbauern, zugleich werden die Felder erweitert. Weil aber die Zunahme der Einwohnerzahl jedoch schneller vor sich geht, dominiert das Angebot an Arbeitskräften und die Nachfrage nach Lebensmitteln wird größer — infolgedessen sinken Löhne und steigen Preise der landwirtschaftlichen Produkte. Da wird aber die Grenze der Entwicklungsmöglichkeiten erreicht. Die vorhandene Technik ermöglicht es nicht mehr, den Ackerboden zu erweitern. Es entsteht Mangel an Lebensmitteln, Hungersnot und Seuchen setzen ein sowie für die feudale Wirklichkeit gewöhnliche verheerende Kriege. Das Ergebnis von alledem ist eine plötzliche Abnahme der Einwohnerzahl und die Verdünnung der Besiedlung (es entstehen die sog. Ödländereien oder Wüstungen). Zugleich sind auch Voraussetzungen für den nächsten Entwicklungszyklus geschaffen — wieder wächst die Zahl der Menschen, der Ackerboden erweitert sich, bis sich eine neue Katastrophe und der Verfall einstellen.

Die obenbeschriebene Zyklen-Theorie läßt die Frage offen, wie in der Tat Fortschritte zustandekommen und wie sich der Übergang von einer Formation zur anderen vollzieht. Welche Hindernisse standen der Belebung der Landwirtschaft und Erhöhung ihrer Effektivität unter feudalen Bedingungen im Wege? Welche Hauptkräfte und -faktoren haben später jedoch zur Durchsetzung der Erneuerungen geführt?

Im vorliegenden Artikel geht man auf diese Fragen ein, wobei einmal die Lage des Gutes, zum anderen die des Bauernhofes der Betrachtung unterzogen wird. Als Belegmaterial ist eine geradezu unikale wirtschaftliche Dokumentation aus der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts benutzt worden — Wackenbücher von über 5000 estnischen Bauernhöfen. Die Analyseergebnisse sind verallgemeinert auf einem Schema zusammengefaßt und dieses müßte deutlich genug den parasitären Charakter der Gutswirtschaft im Ausbeutungssystem der Fronarbeit entlarven — die ganze Produktionstätigkeit des Gutes beruhte auf dem Bauernhof, von dem die nötige Arbeitskraft sowie Feldgeräte kamen, der Beitrag des Gutshofes selber zu der landwirtschaftlichen Produktion war bis aufs äußerste gering. Die gesamte Produktion der feudalen Wirtschaft stützte sich auf die Möglichkeit, die Arbeitskraft der Bauern unbezahlt zu benutzen; im entgegengesetzten Fall wäre eine wirtschaftliche Paradoxie entstanden: mit ständigem Verlust arbeitende Betriebe. Auch die Erneuerungen zu einer bemerklichen Vergrößerung der notwendigen Arbeitskraft (wie z. B. Einführung von Fruchtfolge und Kleeanbau) waren fürs Gut nicht annehmbar, weil die Erhöhung der Fronbesteuerungen auf einen scharfen Protest von der Seite der Bauern gestoßen wäre.

Die vom Bauernwirt ans Gesinde bezahlten Löhne waren zwar relativ niedrig, jedoch stellten sie für ihn gewisse Ausgaben dar, und er war an der Verminderung der letzteren interessiert. Sowohl der Bauer als auch der Knecht waren gleichermaßen interessiert an der Ökonomie der Arbeitskraft und demzufolge auch an der Vervollständigung der Arbeitsprozesse. — Die Bauernschaft war eine der treibenden Kräfte der sozial-ökonomischen Entwicklung.

Das Schema kann präzisiert werden, indem man sich auf der einen Seite ein großes Gehöft und auf der anderen ein kleines vorstellt. In mehr begüterten Gehöften konnte einerseits ein gewisser Getreideüberschuß, von anderer Seite aber eine Arbeitskraftreserve, kleiner als gewöhnlich entstehen (an Stelle der letzteren kam in der Hochsaison bzw. wegen ungünstige Wetterverhältnisse oft gar ein Arbeitskraftdefizit), während es sich bei kleineren Bauernhöfen um relativ höhere Arbeitskraftreserven und gewöhnlich um ein Getreidedefizit handelte. Infolgedessen hatten sich schon im Feudalismus eigenartige gegenseitige Austauschbeziehungen zwischen großen und kleinen Gehöften herausgebildet: für den Einsatz ihrer Arbeitskraft in größeren Gehöften erhielten kleinere den Naturallohn. Dieses wurde in der Endperiode des Feudalismus zur Akkumulationsquelle der aufkommenden Dorfbourgeoisie — es entstanden somit materielle Möglichkeiten und Erfahrungen zur Entwicklung eines neuzeitigeren, effektiveren Ackerbaus.

Auf qualitative Änderungen und die Rolle der Bauernschaft (sowie der aus ihrer Mitte oder parallel mit ihr aufkommenden Bourgeoisie) beim Übergang vom Feudalismus zum Kapitalismus haben viele Autoren aufmerksam gemacht. W. I. Lenin deutete schon 1894 auf den Landesbesitz der Bauern als die Grundlage der Entstehung der bürgerlichen Gesellschaftsordnung sowohl in Westeuropa als auch in Rußland (Teosed, Bd. 1, Tallinn, 1960, S. 243).

*Akademie der Wissenschaften
der Estnischen SSR*

Eingegangen
am 8. Juni 1978